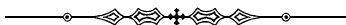

П Р Е Д И С Л О В И Е

автора-составителя

Идея издания этой книги появилась вскоре после моего назначения настоятелем Свято-Николаевского собора города Сан-Франциско, куда я и прибыл 27 февраля 2004 года. В трапезной собора висело два портрета, но ответ на вопрос о том, кто изображен на этих портретах, мне так и не удалось ни у кого получить. Как выяснилось, прихожане собора пришли в общину не очень давно, и они не настолько хорошо знали историю храма, чтобы удовлетворить мою любознательность.

Но этот вопрос интересовал меня все больше и больше: я отчетливо понимал, что портреты находятся здесь не случайно, поэтому я должен обязательно узнать, кто на них изображен, и восстановить память о своих предшественниках. Об этом говорит святой апостол Павел: *Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их* (Евр. 13, 7). Об этом же напутствовал меня Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, когда благословлял меня на издание этой книги в храме Христа Спасителя 29 января 2006 года.

Работая в архиве собора с документами 1934 года (а именно этот год является годом основания собора), я обнаружил фотографию архиепископа Антонина (Покровского), основателя нашей Свято-Николаевской общины. Таким образом выяснилось, что портрет в трапезной собора хранит память о своем основателе и первом настоятеле. В документах за тот же, 1934 год упоминается имя протодиакона Петра Котлярова, который помогал владыке Антонину в деле основания собора, а с 1939-го (года смерти владыки Антонина) по 1959 год он был настоятелем нашего собора. Так и второй портрет нашел свое памятное имя.

В период поиска сведений о портретах я обнаружил большое количество очень ветхого печатного материала — личных воспоминаний и переписки владыки

Антонина. Состояние этих документов было очень плохое, часть из них когда-то была залита водой, некоторые письма превратились в труху. Поэтому естественно, что бумаги, находившиеся в таком состоянии, так никого и не заинтересовали за все эти годы. Некоторая информация была обнаружена мною в архивах газеты «Новая Заря», а именно сообщения о трагических событиях кораблекрушения и предполагаемой гибели владыки архиепископа Антонина на Алеутских островах, а через тринадцать дней — о его чудесном спасении, когда его нашли охотники на безлюдном каменном острове, обмороженного, но живого.

Владыка Антонин в своих воспоминаниях об этом чуде упоминает о том, что бóльшая часть его рукописей погибла во время кораблекрушения. Именно поэтому в них наблюдалась некоторая несвязность, ибо отсутствовали материалы за целые годы. Однако после прочтения всех этих записей — а читать их без сердечного сокрушения, а порой без слез невозможно — у меня и появилось горячее желание опубликовать их, потому что эти материалы являются частью нашей живой истории, о которой нынешнее молодое поколение не знает и может совсем не узнать.

На мой взгляд, эта книга должна послужить всем нам как некое пособие. Прочитав ее, можно узнать не ложную, а правдивую историю нашей страны, научиться вере, какую нужно иметь в Господа, а также тому, как необходимо относиться к святыне и святым местам. Выражаясь иными словами, эта книга может стать для всех читателей учебником житейской мудрости.

28 сентября 2005 года, находясь в паломнической поездке по США, наш собор посетил духовник Свято-Введенской Оптиной пустыни схиигумен Илий, с которым я и поделился идеей об издании книги. Я показал ему часть найденных мною материалов. Вчитываясь в ветхие страницы, старец увидел в них что-то особенное для себя. Уже после он пояснил мне, что владыка Антонин — его земляк и очень близок ему по духу, поэтому, вникая в глубину содержания записок владыки Антонина, он не мог оставаться равнодушным.

«Их обязательно нужно издать!» — сказал мне схиигумен Илий. Он выразил готовность оказать нам помощь в издании этой книги, за что я безмерно благодарен его преподобию. Выполняю благословение старца издать записки архиепископа Антонина (Покровского), надеясь на милость Божию и Его Благой Промысл в этом деле.

*Митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский
Павел (Фокин)*

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

29.7.2000
Дмитрий
А. И.

ПРАВОСЛАВИЕ В АМЕРИКЕ

Краткий исторический очерк

Православное христианство было принесено на Американский континент через Алеутские острова и Аляску первыми русскими миссионерами в далеком 1794 году. Таким образом, в 2021 году исполняется 227 лет Православию на американской земле. Срок немалый! Однако начиналось все очень скромно — с восьми человек, прибывших из России в самом конце XVIII столетия и поселившихся на острове Кадьяк.

Образование Кадьякской Миссии

24 сентября 1794 года на борту «Трех Святителей», принадлежавших Российско-Американской компании, прибыли в Америку восемь членов первой Русской Православной Миссии. Вместе с членами Миссии, иноками, приехали также три послушника. Они прибыли через десять лет после основания первых русских селений на Аляске с целью проповеди Православия среди туземного населения и для удовлетворения духовных нужд русских охотников и служащих Российско-Американской торговой компании.

Идея посылки в Америку духовной миссии была подана основателем и главой компании купцом Г.И. Шелиховым¹. Во время аудиенции

¹ *Шелихов Григорий Иванович (1747–1795)* — купец, занимавшийся торговлей мехами, а также исследователь Сибири и бывших русских североамериканских владений.

у императрицы Екатерины II он обещал ей построить в русских колониях церкви и школы, а также предложил предоставить средства для отправки на острова духовной миссии для просвещения туземцев и приведения их к истинной христианской Православной вере.

*Григорий Иванович
Шелихов*

В 1793 году Шелихов и его компаньон Голиков обратились к Петербургскому митрополиту Гавриилу, прося его направить на Аляску духовное лицо для совершения там богослужений. Митрополит Гавриил удовлетворил их прошение и назначил иеромонаха Валаамского монастыря Иоасафа на служение в Америке. Мало того, вместо одного священнослужителя туда решено было отправить целую духовную миссию, которую должен был возглавить иеромонах Иоасаф, для большего престижа всего дела возведенный в сан архимандрита.

Эта духовная миссия выехала из Москвы 22 января 1794 года. Путь был долгий — по Сибири до Охотска, а потом на старом судне до острова Кадьяк.

Архимандрит Иоасаф так писал из Охотска о своем путешествии: «Я из Москвы отправился в 1794 году января 22-го дня. Святую Пасху отпраздновали в Иркутске. Тут были с месяц. Из Иркутска Леною рекой более 2000 верст плыли покойно, во всяком довольстве. От Якутска до Охотска более 1000 верст ехали верхами с братиею, а всё имущество наше везли сто лошадей. Хотя рекою было и весело, но верхами-то намного лучше: по лесам, горам, буеракам — всего насмотрелись. Время веселое — май, июнь, июль. Пасутся одни медведи. Довольно [их] навидались: хотя они и смиренные, но лошадей “пестовать” мастера...»

Экспедиция на построенных им судах под его предводительством высадилась на остров Кадьяк, где им было основано русское поселение, а затем и духовная миссия.

Прибыли миссионеры в Павловскую гавань на Кадьяке 24 сентября 1794 года. Они оказались там в ужасных условиях: помещений не было, и им пришлось устраиваться в промышленных бараках и жить там до тех пор, пока не было приготовлено для них жилье.

Успехи русских миссионеров

Духовная миссия, как было сказано, состояла из восьми иноков: главы ее, архимандрита Иоасафа (Болотова), иеромонаха Ювеналия (Говорухина), иеромонаха Афанасия (Михайлова), иеродиакона Нектария (Панова) — все четверо из Валаамского монастыря, иеромонаха Макария (Александрова) из Коневского монастыря, послушников Стефана (брата иеромонаха Ювеналия), Иоасафа и Германа.

В очень тяжелых условиях приходилось жить и работать этим восьми инокам-миссионерам. Нужно было и жилища построить, и пищу добыть, и дровами запастись.

Но самое главное дело — своими руками стали они строить церковь во имя Воскресения Христова. Постройку начали вскоре после прибытия на остров Кадьяк, в ноябре 1794 года, а закончили ее в 1796 году. На колокольне были повешены колокола, привезенные из России. Церковь Воскресения была, таким образом, первой православной церковью на американской земле.

*Храм Воскресения Христова
на острове Кадьяк,
сооруженный в 1794 году*

Кроме церковных служб и повседневных работ, монахи исполняли и другие обязанности. Иноки Герман и Иоасаф были заняты в «хлебне». Отец Афанасий заведовал огородом. Другие были также приставлены к работам.

Вскоре вся духовная миссия во главе с архимандритом Иоасафом энергично принялась за миссионерскую работу, в которой они преуспели. В одном из своих первых писем игумену Валаамского монастыря Назарию архимандрит Иоасаф сообщал, что новокрещеных на острове Кадьяк было уже более шести тысяч человек. Прошло совсем немного времени, и Миссия стала распространять свою деятельность на другие острова и на материк. В этой миссионерской работе проявили себя иеромонахи Макарий и Ювеналий.

В 1795-м, то есть на следующий по приезду год, отец Ювеналий отпросился у архимандрита Иоасафа пойти благовестить слово Божие на Аляскинский материк. А за ним вскоре и отец Макарий отправился на далекие острова, лежащие в западной части Алеутского архипелага. Оба весьма энергично принялись крестить туземцев. Слово Божие распространялось и ширилось, охватывая как материк, так и все новые острова.

В Павловском селении с отъездом двух иноков-миссионеров осталось всего шесть монахов. В течение года со времени приезда Миссии на Кадьяк иноками было крещено до 12 000 человек, о чем они с большим удовлетворением сообщали в Россию.

Первый американский святой

Спустя некоторое время из глубины Аляски пришло печальное сообщение о мученической гибели отца Ювеналия. Он был убит туземцами где-то у берегов озера Илиамны 29 сентября 1796 года. Это был первый православный мученик на американской земле и вообще первый православный подвижник, стяжавший святость на Северо-Американском континенте. Мощи его так и не были обреты. В 1980 году отец Ювеналий был канонизирован Русской Православной Церковью в чине священномученика.

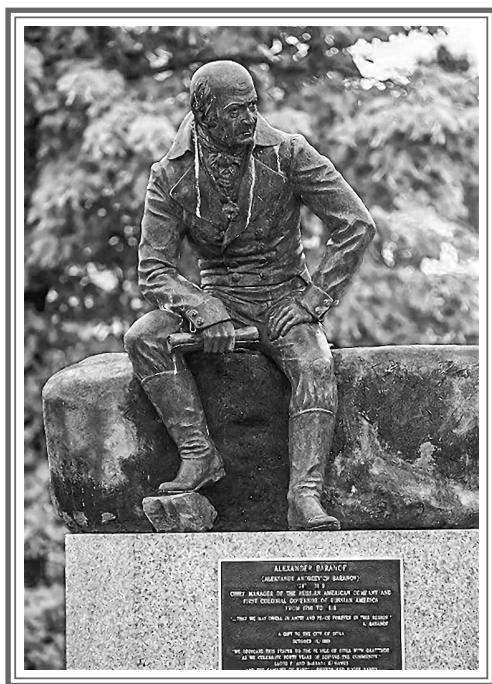
Вскоре Миссия лишилась и другого миссионера — отца Макария, уехавшего, как уже говорилось, на западные острова Алеутской гряды, где он в короткое время окрестил тысячи местных жителей. Но, несмотря на успех своей проповеди, отец Макарий вдруг самовольно покинул острова и на корабле конкурентов Шелихова выехал в Охотск, а оттуда перебрался в Якутск.

Создание Американской епархии

В конце 1797 года в Павловскую гавань пришел наконец корабль «Феникс» из Охотска. Он привез запасы провизии, что спасло колонию от неминуемой гибели. Этот корабль был первым мореходным судном, построенным Барановым¹ здесь же, на Кадьяке, в гавани Трех Святителей, а затем, в 1795 году, отправленным в Охотск с большим грузом пушнины.

Вернувшийся из первого плавания «Феникс», кроме провизии, привез много новостей из России. Прежде всего узнал Баранов о кончине императрицы Екатерины Алексеевны. Также, что было особенно значимо для Российско-Американской торговой компании, была получена весть о неожиданной смерти ее основателя и владельца Григория Шелихова. Другой важной новостью был вызов архимандрита Иоасафа в Иркутск, где он должен был быть хиротонисан во епископа, чтобы возглавить новосозданную Кадьякскую и Американскую епархию.

В 1796 году архимандрит Иоасаф вместе с молодым иноком Стефаном выехал на «Фениксе» в Охотск, а оттуда, не задерживаясь,

Памятник Александру Андреевичу Баранову в Ситке

¹ Баранов Александр Андреевич (1746–1819) — первый главный правитель русских владений на Аляске. Прибыл в Америку по приглашению Шелихова. После упорной борьбы с туземцами занял берега Кенайского и Чугацкого заливов, города Якутат (1796) и Ситка (1799), где через несколько лет построил крепость Новоархангельск (ныне Ситка) и редут Озерный. Затем занялся развитием промышленности на новых русских землях. За свои заслуги был награжден чином коллежского советника и орденом Святой Анны II степени.

отправился в Иркутск. С их отъездом на Кадьяке из первоначального состава Миссии осталось только четверо. А в марте 1799 года в Иркутске состоялась хиротония архимандрита Иоасафа в сан епископа Кадьякского, и он стал первым православным епископом в Америке. Не теряя времени, новопосвященный епископ Иоасаф заторопился в свою епархию. В Охотске он погрузился на корабль «Феникс», идущий обратным рейсом на Кадьяк. С собой он взял двух спутников: того же иеромонаха Макария и инока Стефана.

Однако «Фениксу» не удалось достичь Кадьяка. Корабль погиб в пути, и о судьбе его ничего не известно — он просто исчез без следа. Вместе с кораблем погибли 88 человек команды и пассажиров, включая епископа Иоасафа и его спутников, отца Макария и иеродиакона Стефана. Среди погибших был также архиерейский певчий, брат отца Иоанна Вениаминова, ставшего позже знаменитым миссионером на Уналашке. (Спустя годы отец Иоанн пострижется в монашество с именем Иннокентий и будет епископом Камчатским и Курильским, а позже митрополитом Московским и Коломенским. Ныне он почитается в лике святителей под именем Иннокентия Аляскинского.) На «Фениксе» погиб также переводчик Прянишников.

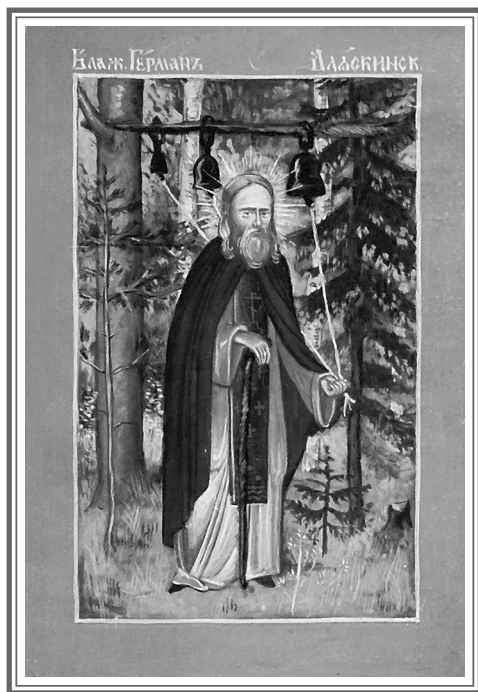
Преподобный Герман Аляскинский

Как было сказано выше, из всей Миссии на Кадьяке теперь осталось только четыре инока. Пополнения в Миссию из России не присылали. Болезненный иеродиакон Нектарий выехал в Россию в 1806 году и умер там в 1814 году в сане иеромонаха Киренского монастыря. Инок Иоасаф умер на Кадьяке в 1822 году, а иеромонах Афанасий в 1825 году выбыл в Россию. Таким образом, из восьми иноков первоначальной Миссии на Кадьяке остался только один монах Герман. Именно он и являлся единственным представителем новосозданной епархии на Американском континенте.

Инок Герман пользовался в Америке большим уважением. На его плечи легла вся тяжесть духовного окормления православных в Америке. Его знали и ценили высшие духовные власти в России, которые предлагали посвятить его в сан иеромонаха и даже предложили

пост архимандрита. Но скромный Герман отказался от всех постов. В 1823 году инок Герман переселился на Еловый остров недалеко от Кадьяка и первое время жил там в пещере. Позже он построил для себя скромную келью, в которой и прожил до конца своих дней. Скончался инок Герман в 1836 году.

Подвиги святого старца стали тем благодатным корнем, из которого произросло плодоносное древо Православия в Северной Америке. А сам он стал первым преподобным Аляски и всей Америки, образцом для всех чад Американской Православной Церкви. С его кончиной первая духовная миссия в Америке закончила свое существование.

Прп. Герман Аляскинский

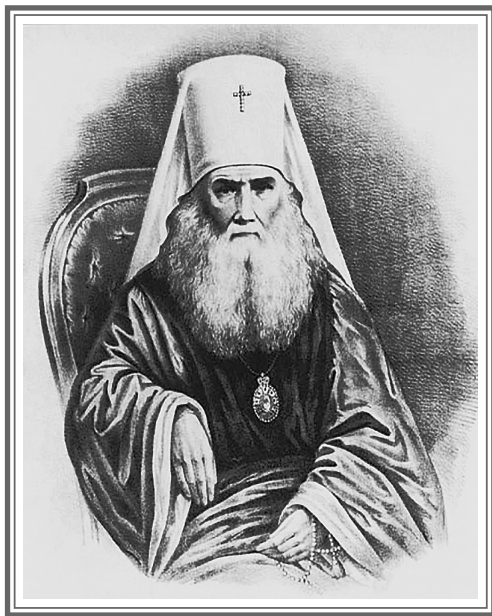
Святитель Иннокентий, апостол Аляски

Много перемен и событий произошло на Аляске с уходом из жизни первых миссионеров. Православие не умерло, а, наоборот, разрослось и распространилось по всей Аляске и Алеутским островам. Среди главных вех в истории Православия там можно отметить прибытие в Новоархангельск первого православного священника из «белого» духовенства — отца Алексея Соколова. Произошло это в 1816 году. С того времени духовные нужды населения Аляски окармлились главным образом не монахами, а «белыми» священниками.

Одним из таких «белых» священников был отец Иоанн Вениаминов — будущий святитель Иннокентий Аляскинский, один из величайших миссионеров и распространителей света Христова учения

в Америке. Его прибытие на Уналашку в 1824 году стало важным событием в истории Православия на Аляске.

Отец Иоанн Вениаминов, еще будучи молодым священником, всем сердцем своим воспринял призыв Божий к миссионерскому служению.

*Свт. Иннокентий,
апостол Америки и Сибири,
просветитель алеутов*

Результатом его огромной и многоплодной миссионерской деятельности уже в первый, уналашкинский период его служения (с 1824 по 1834 год) прежде всего следует считать тот дух апостольства, который он стяжал своей ревностью и самоотверженностью в деле проповеди и служения. Затем будущий святитель продолжил миссионерскую деятельность уже в Новоархангельске (Ситке) на острове Баранова, где подвизался до 1838 года.

За эти годы личность апостола алеутов раскрылась всеми своими гранями и талантами. Отец Иоанн был «дорогим пастырем» для своих духовных чад, чутким и ревностным проповедником слова Божия для непросвещенных пле-

мен и народов, мудрым наставником и педагогом для новокрещенных и их детей и просветителем алеутов. Для них он создал письменность и осуществил переводы на их язык текстов Священного Писания, катехизиса, молитв и собственного церковно-учительного сочинения «Указание пути в Царствие Небесное». В свободное от миссионерских путешествий время он был занят строительством церкви и обучением детей Закону Божию, катехизису, Священной Истории, чтению и грамматике русского языка и основам арифметики.

Вместе со своими и местными детьми он играл в мяч, совершал прогулки по окрестным горам, посвящая детей в тайны природы и геологии. Под его началом дети мастерили часы и музыкальные органы, вели геодезические и гидрографические наблюдения.

В 1838 году он был отозван в Россию и в 1840 году, после смерти своей жены, был пострижен в монашество с именем Иннокентий, а затем и хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. В 1977 году святитель Иннокентий был канонизирован Русской Православной Церковью как просветитель Сибири и Америки. Память его совершается 31 марта (13 апреля по н. ст.) — в день кончины и 23 сентября (6 октября по н. ст.) — в день прославления.

Святитель Тихон, будущий Патриарх Всероссийский

Православие в Америке распространялось все шире и шире — от Аляски к Калифорнии, Техасу и Флориде. Свидетельством этому явился перенос центра американского Православия — епископской кафедры — из Ситки в Сан-Франциско. Этот период истории тесно связан с трудами архиепископа Тихона, будущего Патриарха Московского и всея Руси.

Имя святителя Тихона хорошо известно не только православным в России, но и во всем христианском мире. Акт его канонизации в России в 1989 году был во многом подготовлен в качестве православного святого Америки с титулом «просветитель Северной Америки».

Период миссионерского служения святителя Тихона в Америке является не только особым для него временем (особенно первые годы, проведенные в Сан-Франциско, которые он называл самыми лучшими в своей жизни), но и важнейшим периодом в формировании его архипастырского и апостольского служения.

С именем святейшего Тихона связывают начало быстрого развития русских и сербских православных приходов в Америке. Это определило изменение географических границ православной епархии в Северной Америке: уже через два года после назначения его на кафедру, то есть в 1900 году, титул епископа Алеутских островов и Аляски был изменен на «епископ Алеутских островов и Северной Америки».

Спустя еще пять лет после того, как было завершено строительство кафедрального собора в Нью-Йорке, в этот город из Сан-Франциско была перенесена и кафедра архиепископии Алеутской и Северо-Американской.

А епископ Тихон был возведен в сан архиепископа, имея при этом двух викарных архиереев: Иннокентия (Пустынского), епископа Аляски (1903–1909), и Рафаила (Фававини), епископа Бруклинского (1903–1915). Последний окормлял приходы православных арабов, эмигрантов из Османской Турции и приходы на Восточном побережье Америки. Таким образом, святитель Тихон стал первым в Америке православным архиепископом.

*Свт. Тихон,
Патриарх Московский и всея Руси,
просветитель Северной Америки.
Икона, написанная в Америке*

После перенесения кафедры из Сан-Франциско в Нью-Йорк и образования многонациональной епархии Северной Америки епископ Тихон предположил возможность изменения статуса миссионерской епархии. В своей записке, адресованной Предсоборному присутствию и посвященной вопросам церковной реформы, святитель предлагал проект преобразования Северо-Американской епархии в экзархат.

«Дело в том, — писал он, — что в состав ее (епархии) входят

не только разные народности, но разные Православные Церкви, которые, при единстве веры, имеют каждая свои особенности в каноническом строе, в богослужебном чине, в приходской жизни. Особенности эти дороги для них и вполне терпимы с общей православной точки зрения. Посему мы не считаем себя вправе посягать на национальный характер здешних Церквей, напротив — стараемся сохранить таковой за ними, предоставляя им возможность быть непосредственно подчиненными начальникам их же национальности (сирийские, сербские и греческие приходы и избрание для них епископов). В своей области каждый из них самостоятелен.

Но дела, общие для всей Американской Церкви, решаются соборно под председательством русского архиепископа. Жизнь в Новом Свете

по сравнению со Старым имеет свои особенности, с которыми приходится считаться и здешней Церкви, а посему этой последней должна быть представлена бóльшая автономия (автокефальность), чем другим русским митрополиям. В состав проектируемого Американского экзархата могут входить:

1. Архиепископия Нью-Йоркская, коей подчинены русские церкви в Соединенных Штатах и Канаде;

2. Епископия Аляскинская, обнимающая церкви православных жителей Аляски (русских, алеутов, индейцев, эскимосов);

3. Епископия Бруклинская (сирийская);

4. Епископия Чикагская (сербская);

5. Епископия греческая.

Для Американской Миссии важно также получить разрешение об отношении к англиканцам и их иерархии».

Ранее образованные «русские» викарлатства Нью-Йорка и «арабские» в Бруклине епископ Тихон предложил дополнить сербской епархией в Чикаго и греческой епархией. Таким образом, Православие в Америке превращалось из эмиграционной Церкви в соборную Поместную Церковь.

С этой целью были проведены несколько подготовительных конференций духовенства в 1905 и 1906 годах. В феврале 1907 года в Майнфилде (штат Пенсильвания) был созван исторический Всеамериканский Собор, который собрал представителей православного духовенства и мирян. И вскоре после этого Собора в том же году святитель Тихон возвратился в Россию, получив назначение на старинную Ярославскую кафедру.

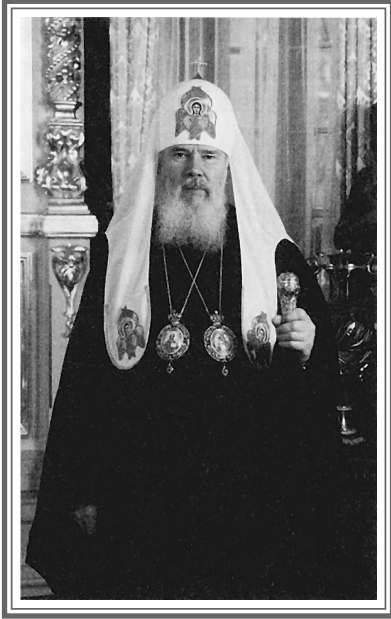
Во время своего визита в Северную Америку в сентябре — октябре 1994 года по случаю празднования 200-летия Православия в Америке Святейший Патриарх Алексий II после литургии в Троицком соборе

*Свт. Тихон с клириками
Сан-Франциско*

Сан-Франциско говорил в своем приветственном слове: «Начиная с 1870 года и до 1905 года Сан-Франциско был центром и средоточием церковной жизни на Северо-Американском континенте».

Давая высокую оценку миссионерскому служению на этой кафедре епископов Иоанна (Митропольского; 1870–1877), Нестора (Засса; 1878–1882), Владимира (Соколовского; 1887–1891), Николая (Зиорова; 1891–1898) и архиепископа (позднее Патриарха Всероссийского) Тихона, прославленного в лике святых (1898–1907), патриарх Алексей отмечал:

*Святейший Патриарх
Московский и всея Руси
Алексий II*

«Служение этих архипастырей было поистине жертвенным и плодотворным. Под своим омофором они собрали не только русских, но и албанцев, арабов, греков, сербов и многих других. При их непосредственном архипастырском руководстве отсюда, из Сан-Франциско, святая Православная вера распространилась по всей территории Соединенных Штатов Америки».

В 1877 году из этой епархии были направлены первые миссионеры в Канаду, что привело впоследствии к созданию там Канадской Православной Миссии. Отсюда же началось возвращение в лоно Матери-Церкви униатских приходов из галичан и карпатороссов под руководством протоиерея Алексея Тавта, прославленного Православной Церковью в Америке в лике святых.

Особое значение для распространения Православия среди граждан Соединенных Штатов имел перевод и издание на английском языке Служебника, который открывал им смысл православного богослужения. Святитель Тихон лично корректировал эти переводы. Он был первым православным архиереем Америки, которому было присвоено звание доктора богословия в Университете штата Висконсин, что стало знаком признания его духовно-просветительской и научно-богословской деятельности. Изданные как на русском, так и на английском языках, проповеди епископа Тихона являют собой дань уважения

великому первосвятителю Американской Православной Церкви, почитения и благодарности этой великой личности.

И это служение не только по своему названию, но и по самой сути было миссионерским. В нем мы видим преемственность и развитие служения русских миссионеров на Американском континенте. Начиная с валаамских иноков на Алеутских островах и Аляске, и среди них первого православного святого Америки — преподобного Германа Аляскинского, все последующие миссионеры: святитель Иннокентий, апостол Америки и просветитель Восточной Сибири, а также многие другие, известные и прославленные и еще неизвестные и непрославленные русские делатели на ниве Христовой в Америке — епископы, священники, монахи и миряне — несли свет Православия народам Северо-Американского континента.

*Собор американский святых:
прп. Герман Аляскинский,
свт. Иоанн (Максимович),
свт. Иннокентий,
сщмч. Ювеналий (Говорухин),
свт. Тихон и мч. Петр Алеут*

Архиепископ Антонин (Покровский)

Об одном из таких малоизвестных миссионеров-епископов и пойдет речь в сборнике, который вы сейчас держите в руках. Владыка Антонин (1869–1939) прожил удивительную жизнь, полную трудов и лишений. Происходя из среды сельского священства, он в полной мере ощутил тяготы своего сословия во время революции и Гражданской войны.

Эмигрировав на Американский континент вместе с другими беженцами, осколками старой России, он продолжил миссионерские труды своих

предшественников — святителя Иннокентия, митрополита Московского, и святителя Тихона, Патриарха Всероссийского. Не думая о своем благополучии, он объезжал Аляску, много раз оказываясь на грани смерти во время этих опасных путешествий. Один раз его гибель была столь несомненна, что о ней сообщили в газетах, и по всей Америке служили по нему панихиды. Но Господь спас Своего верного служителя.

Болея о благе Аляски, владыка добился встречи с президентом Рузвельтом и беседовал с ним о духовных и материальных нуждах своей епархии. Однако его деятельность не была ограничена только Аляской. 4 августа 1929 года был освящен храм Воскресения Господня в Ванкувере, созданный его неустанными заботами. В 1934 году, по благословению патриаршего экзарха в Америке митрополита Вениамина (Федченкова), владыкой Антонином был основан Свято-Николаевский собор в городе Сан-Франциско, а также храм Казанской иконы Божией Матери в Сан-Диего и многие другие.

Владыке Антонину довелось жить в эпоху, когда православную Америку сотрясали многочисленные церковные смуты. На территории континента одновременно существовали три Православные Церкви, происхождение которых так или иначе было связано с Россией. Однако несмотря на что владыка остался верен Церкви, духовно вскормившей его, — Русской Православной Церкви, в которой начиная с 1917 года было восстановлено патриаршество. Это был его выбор, которому он неизменно следовал до последнего своего вздоха, не желая стать предателем находящихся в горниле страданий новомучеников и исповедников российских.

К сожалению, от архива владыки Антонина сохранилась только часть. Но и из тех документов, которыми мы располагаем, становится виден весь масштаб этой удивительной личности. Публикуя воспоминания владыки Антонина, его письма к самым разным адресатам, связанные с его жизнью газетные заметки и сохранившиеся проповеди, произнесенные им, мы надеемся, что читатели смогут получить духовную пользу, научившись у владыки тому, что было ему свойственно в самой высшей степени, — терпению, мудрой покорности Промыслу Божию и несгибаемой вере, которая помогла архиепископу Антонину безропотно нести крест жизненных тягот вплоть до последнего его вздоха.

В РОССИИ

(1869-1920 гг.)

Орель.

В этой части помещены воспоминания владыки Антонина, относящиеся к начальному периоду его жизни, начиная с детских лет вплоть до вынужденной эмиграции из России с военным госпиталем в феврале 1928 года. К сожалению, в воспоминаниях есть лакуны. Так, в них почти не затронуты события, происходившие в жизни владыки с 1914 по 1917 год, когда он служил в Офицерской воздухоплавательной школе, а затем в Лейб-гвардии. В эти же годы владыка был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета.

ДЕТСТВО

В двенадцати верстах от губернского города Орла, по Московскому шоссе, в двух верстах от дороги через Медведский лес, находится большое село с прилегающими к нему деревнями — Богословское. Оно расположено красиво по горе амфитеатром, а внизу протекает небольшая река Оптуха. По левой и правой сторонам реки находятся бахчи с разнообразными овощами, немного далее — заливные луга, а за бахчами и лугами расстилаются поля, засеянные различными злаками на необъятное пространство, которые упираются в небольшую каменную гору. С левой стороны реки на горе расположены деревни, в центре которых возвышается каменная церковь с постройками для священно-церковнослужителей, а выше также поля и лесок.

Село Богословское в старые времена носило название Золотое Дно, и там было по штату два священника, диакон, два псаломщика и два пономаря, а в мое время осталось только три члена причта, да и те жили весьма бедно; о наименовании Золотое Дно осталось только предание, или этим названием вышучивали настоящее состояние села.

Я родился в 1869 году в многосемейном доме диакона Феодора Васильевича Покровского и был последним ребенком. С ранних детских лет я был знаком только с бедностью и всякого рода лишениями. Об образовании детей многие из священно-церковнослужителей и не помышляли, ибо удовольствие [это] было доступно только богатым людям, а в Богословском заканчивали высшее образование в своей же сельской школе, которую вел мой отец в течение двадцати пяти лет бесплатно. Мне посчастливилось, и не без усиленного труда, окончить духовную семинарию, и именно потому, что мой отец как философ по тогдашнему времени считал необходимостью для детей образование, а еще и потому, что я был последним. Старший мой брат мог окончить только духовное училище: к этому времени мне исполнилось одиннадцать лет, и он прекратил свое образование в мою пользу, ибо двум нам не было возможности учиться из-за средств. Затем отец умер, и я закончил свое образование за счет казны.

Бедность — хороший, но и слишком строгий учитель и воспитатель, через испытание которого мало пропускается на светлую широкую дорогу, а большая часть так и засасывается в трясине бедности. Сколько раз я намеревался прекратить учебу из-за бедности! Отец получал не более 150 рублей в год, и это было содержанием многолюдной, в десять душ, семьи и моим содержанием. Я никогда не видел на отце приличного костюма и новых сапог. Он всегда покупал поношенные сапоги солдатские на базаре и лишил себя помощи доктора перед смертью; когда сестра моя Александра предложила было ему пригласить доктора, так он даже обиделся на это предложение, говоря: «Глупая, да ты знаешь, что доктору-то нужно заплатить десять рублей, а Алексей без сапогов». И так он и умер без медицинской помощи 59 лет.

Так жили и страдали и другие члены причта. Тимофеевич (дьячок) все время собирался отправить своего «Ванечку» учиться и так дальше сборов не ушел, а когда сын его Иван дорос — отдал его в столярную мастерскую. Священник отец Иоанн Жаворонков имел громадную семью, и только один младший сын окончил духовную семинарию, а все остальные десять детей так и разошлись по разным дорогам, не получив образования.

От моего детства осталось только тяжелое воспоминание о жизни духовенства, ради которого я никак не хотел идти по следам моего отца, но вместе с тем у меня сохранилась беззаветная любовь и даже

благоговение к духовенству моего детства. Все они по грешности иногда выпивали, и через край, из-за чего крупно могли в то время посчитаться, но никогда не злобились друг на друга и никогда не судились у своего начальства, и жизнь была хотя и с большими материальными недостатками, но они имели и праздники от своей многотрудной жизни. В праздники они веселились неподдельной радостью. Они искренно встречали друг друга и от чистого сердца любили, а посему и на сердце у них было легко.

Много раз я видел их в нетрезвом виде, но никогда никто из них не пропустил богослужения и не являлся [в храм] в нетрезвом виде. Благоговение к храму Божию было у них самое возвышенное. После праздничного обеда с вином не только священник, но и псаломщик никогда не приближался к алтарю.

Полевые работы духовенство проводило своими собственными руками, в этом принимали участие и дети. Мы знали все обработки земли и в огородах, и в садах. Впоследствии эти знания очень пригодились, когда я вступил сам на общественную деятельность в качестве сельского священника.

В праздничные дни иногда собирались в гости один к другому. Вспоминаю их времяпрепровождение в гостях: после обычных угощений заводились разговоры о службе, о хозяйстве, велись споры по церковным вопросам, а иногда пели церковные песнопения и канты, но никогда не было кощунственных разговоров. Так воспитывались и дети в уважении к законам и [в] любви к Церкви и вере в Бога.

Помню я один случай из жизни семьи моего дяди, который жил в городе. Дети его обучались в гимназии, и вот в один день прибежала из гимназии моя двоюродная сестра Саша и защебетала во время обеда:

— Мама, у нас в гимназии говорят подруги, что Бога нет!

Дядя молча кушал, но, когда услышал от дочери ужасную новость, повысив немного голос, сказал:

— Саша, видишь собаку Белку, привязанную у собачьей конуры?

Та ответила:

— Да, папа, вижу.

Дядя продолжает ровным голосом:

— Если я другой раз услышу от тебя эту мерзость, сниму с тебя форму, надену на Белку и отправлю ее в гимназию, а тебя, с...у дочь, привяжу вместо Белки у конуры, так ты и знай.

И продолжал себе кушать. Саша, конечно, никогда [больше] не заикнулась о подобных мерзостях до окончания курса и семнадцати лет вышла замуж. Сама имела семнадцать детей, многих из них воспитала в страхе Божиим и, будучи около шестидесяти лет от роду, выглядела сорокалетней, красивой, здоровою и разумною женщиною. Урок отца послужил ей на пользу. Она всегда помнила день смерти своих отца, матери, и ее можно было видеть на их могиле в эти дни, а все праздничные дни — в храме. Такое воспоминание было у большей части духовенства того времени, почему и жизнь его, несмотря на вопиющую бедность, имела свои прелести, которыми жили духовные лица того времени и были счастливы.

С прихожанами жили, как со своими членами семьи. В дни семейных праздников: свадеб, крещений, похорон, поминок, богомолий и других — почти все члены семьи духовных особ присутствовали, равно и у духовных особ можно было встретить прихожан на таковых же праздниках. Иногда устраивались общие обеды после молебствий на полях, и эти обеды напоминали мне первохристианские вечери любви.

Прихожане любили и ценили свое духовенство и были заступниками их, несмотря на некоторые прегрешения. Так, почему-то священник отец Иоанн сильно начал пить, но был незлобив, и прихожане любили его. Когда стало известно духовному начальству о неблаговидном поведении отца Иоанна, было назначено формальное следствие по этому факту. Духовный следователь вызывал многих прихожан, но никто из них не удостоверил этого недостатка любимого священника, принявши грех сознательно на свою душу.

МОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Как я уже заметил, образование я получил с великим трудом. С 15 августа до Святой Пасхи, кроме Рождественских праздников, я обыкновенно жил в городе Орле, расходуя в месяц на свое содержание не больше шести рублей в месяц, а после Святой Пасхи я не имел квартиры в городе и ежедневно ходил пешком из села, а по окончании уроков возвращался назад. Таким образом я провел курс духовного училища.

Когда я был на втором курсе духовной семинарии, умер мой отец, и мое положение вначале было весьма затруднительно. Два раза я прерывал обучение, а с улучшением материального положения снова поступал в семинарию. Наконец, благодаря участию инспектора семинарии отца иеромонаха Порфирия (Успенского)¹, я был принят на казенное содержание и закончил полный курс семинарии.

Борясь всегда с нуждой и бегая по урокам за три рубля в месяц, я не сохранил особенных воспоминаний о времени моей жизни в стенах учебного заведения — всё суета, хлопоты, неудачи, чрезмерные труды.

И на фоне счастливых светлых воспоминаний крупную фигуру вырисовывается личность всеми нами любимого отца иеромонаха Порфирия (Успенского), инспектора семинарии. Это была личность поистине святая. Он поступил на должность в семинарию около 27 лет, совершенно изможденным монахом, и прибыл после инспектора, очень строгого и непедагога,

Орел. Здание городской управы

который совершенно развратил семинарию своими неумелыми, чрезмерно строгими и, пожалуй, несправедливыми требованиями. В это же время прибыл новый ректор отец В. Сахаров, тоже неопытный педагог и начальник, и воспитанники совершенно развратились. Началась картежная игра, курение, пьянство, разврат и падение дисциплины. В это время и прибыл щедушный, молодой, говорящий нежным женским голосом отец иеромонах Порфирий (Успенский).

Новый инспектор не принимал тех методов строгости, которыми пользовались инспекторы много десятков лет. Он, молодой человек, подошел к воспитанникам с отцовской строгостью, растворенной

¹ В тексте явная ошибка. Имеется в виду иеромонах (затем архимандрит) Порфирий (Виноградов; ок. 1864–1905).

любовью и глубокой верой в Бога. Этот метод поставил воспитанников в нерешительную оппозицию к новому инспектору. Многие не доверяли ему, ожидали предательской измены из-под кажущейся любви. Но Господь был со Своим служителем, и благодать Божия освятила души

*Иеромонах Порфирий
(Виноградов)*

и сердца воспитанников, и они стали согреваться отеческою любовью отца Порфирия. К его ногам несли воспитанники чистосердечное раскаяние, и между инспектором и воспитанниками установились отношения любящего отца к детям. В короткое время семинария стала неузнаваема. Прекратились кутежи, произвольные отлучки и гуляния, и в стенах семинарии водворились мир и тишина и восстановились правильные занятия как на уроках, так и во время вечерних упражнений.

Инспектор являлся отцом и защитником пред отцом ректором и всеми преподавателями. Бывали случаи, когда некоторые из воспитанников злоупотребляли любовью и защитой отца инспектора.

Я был уже в шестом классе, и шли у нас выпускные экзамены. Один из наших товарищей так напился водки, что не мог сидеть за столом во время ужина. На ужине присутствовал отец ректор и заметил пьяного. После ужина этот воспитанник должен был явиться к отцу ректору для объяснений. Объяснение окончилось тем, что отец ректор решил исключить этого воспитанника.

Должно было быть педагогическое собрание, на котором и было бы приведено в исполнение решение отца ректора. За несколько дней до собрания провинившийся ученик находился на третьем этаже у открытого окна. Он заметил, что идет по направлению к нему отец инспектор и в расчете на приближение его ученик намеревается выброситься из окна, но в это самое время хватает его отец инспектор и отводит в спальню.

На педагогическом собрании многими преподавателями было высказано мнение об исключении этого воспитанника, но отец инспектор в категорической форме высказался против. «Я не хочу быть убийцей этого воспитанника, — говорит отец инспектор, — зачем вы не исключили его раньше? Ему не было бы так тяжело. Теперь остается несколько недель до окончания полного курса, и все его десятилетние труды погублены. Мы портим не только его карьеру, но, быть может, отнимаем и жизнь. Я уже оттащил его от окна. Он намеревался выброситься с третьего этажа. Один раз я спас его жизнь, и убийцей его я не желаю быть».

Сказавши это, отец инспектор поднялся и оставил собрание. Весь педагогический совет был в молчании. Затем один из близких к инспектору педагогов присоединился к его мнению, затем другой и так далее до последних, и воспитанник был оставлен до полного окончания курса и был выпущен вместе с нами. Впоследствии он был очень хорошим и исправным священником, но, к сожалению, не долго служил и умер.

Вследствие своей неопытности и, быть может, неимения педагогических способностей отец ректор довел до такого состояния воспитанников, что близок был полнейший беспорядок и, быть может, и бунт. На стенах здания семинарии, на коридорах, в ватерклозетах, на дверях и даже на скамейках садовых — везде можно было встретить угрожающие жизни отца ректора записи. Отец инспектор снова принялся за дело умиротворения. Он ходил по всем классам, квартирам и вел отеческие беседы с воспитанниками.

В нашем классе, старшем, он вел приблизительно такую речь: «Вы, старшие воспитанники, должны быть примером для остальных. Вы должны узнать виновных и разъяснить им, что ведь они получают образование в духовной школе и впоследствии будут пастырями Церкви, а разве можно с такою подготовкою быть пастырем Церкви? Я понимаю, что отец ректор, быть может, не выдержал себя и не безвиновен в создавшемся положении, но ведь он — отец ректор, и преклониться должны перед ним учащиеся. Он ведь отвечает перед Богом и перед начальством, доверившим ему управление семинариєю».

Отец инспектор говорил с таким воодушевлением, что многие без слез не могли слушать его. Такие речи были везде ведены, и всё умиротворилось. Через несколько месяцев отец ректор отблагодарил за усиленную деятельность и любовь к семинарии отца иеромонаха Порфирия,

которого по просьбе отца ректора Святейший Синод переместил на такую же должность в Тульскую духовную семинарию. В Туле отец инспектор лишился ноги, и его переместили в Херсонскую духовную семинарию на должность ректора, но вскорости ему отпилили ногу, и он принужден был выйти на покой в один из херсонских монастырей.

Затем как-то поехал он к своему родному отцу во Владимир губернский, где его батюшка был кафедральным протоиереем. Погостивши у отца, отец Порфирий возвращался в свой монастырь, но Господу угодно было, чтобы Его верный служитель закончил свой земной путь мученической смертью. В городе Харькове отец Порфирий, выходя из вагона на одной ноге, упал между вагонами и был раздавлен поездом на несколько частей. Так скончался в молодых годах праведник Божий Порфирий Успенский, бывший отец ректор Херсонской семинарии. Я уверен, что имя этого праведника записано у всех его питомцев на скрижалях сердца и вспоминается при всех молитвословиях Господу Богу.

ДИАКОНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Вскорости по окончании курса я женился и поступил диаконом в село Хотылево Брянского уезда, Орловской епархии. Этот шаг был скороспел и совершенно не обдуман, почему много он принес скорби и вреда как нашей совместной жизни, так и обществу. Я был еще молод для ответственной общественной службы и иногда отдавался несвойственным положению духовной особы увлечениям. Это приносило большую скорбь жене и страдания мне, ибо мы женились по собственному согласию и отдались друг другу для совместной работы на ниве Христовой.

В Хотылеве была положена первая моя деятельность учительская и по ведению церковного хозяйства. В этом селе имелось около двух тысяч десятин лесу и луговой почвы. До сего времени лес никак не эксплуатировался и был бесполезен как для церкви, так и для причта. По наведению в этом хозяйстве порядка я получил назначение на должность священника в село Паниковец Елецкого уезда.

ПЕРЕЕЗД В СЕЛО ПАНИКОВЕЦ

В село Паниковец я прибыл к 14 августа и первое богослужение совершил в день Успения Пресвятой Богородицы. С прихожанами я встретился почти со всеми. Все прибыли познакомиться с новым батюшкой, и как я, так и прихожане произвели [друг на друга] отрадное впечатление. Я понравился прихожанам, а прихожане мне. На второй день я должен был отправиться к благочинному — объявить о моем вступлении в отправление обязанностей, а от него — прямо в Орел за женой и сыном.

Пред отправлением к отцу благочинному я зашел в храм, чтобы сделать некоторые распоряжения отцу дьякону на случай моего отъезда. Войдя в храм, я встретил одного прихожанина, который спросил меня:

— А почему это нынешний день нет богослужения?

Этот вопрос несколько покоробил меня. Вот, думаю, не успел въехать в село — и уже получаю выговор-замечание, и от прихожанина! Не зная, кто этот прихожанин, я совершенно спокойно говорю ему:

— Я вижу, что ты прихожанин этого храма, и прихожанин усердный, но, видишь ли, мой милый, так неприлично говорить вашему духовному руководителю. Я приехал учить вас, а не учиться от вас. Так вот видишь, чтобы в следующий раз не было «почему это?». Значит, так нужно, и больше ничего. Услышишь звон — и приезжай к службе, но никогда не делай замечания священнику. Я знаю лучше почему и спрашивать у вас не буду.

*Покровский храм в селе Паниковец.
Здесь владыка Антонин проходил
священническое служение*

Оказалось, что это был очень богатый мужичок, Кузьмич, как его звали все. С моим предшественником он был в хороших отношениях, и священник его очень много слушал как богатого человека. Кузьмича я несколько раз упомяну в моих воспоминаниях, почему я и остановился на первом знакомстве с ним.

В сентябре месяце 1899 года я переехал окончательно в село Паниковец со своей семьей и некоторым имуществом. Прихожане ожидали моего прибытия и встречали весьма радушно. К моему прибытию они озаботились о квартире для меня и провизии, а так как это время было последним для посевов озимых хлебов, то они озаботились [также] засеять пять десятин рожью, чтобы мой урожайный год не пропал. Затем снабдили меня провизией, один земледелец прислал очень хорошую корову, а другой пять возов сена для прокормления этой коровы. Вообще, я прибыл, как в свое имение, — добрые прихожане позаботились обо всем необходимом для жизни.

Приход села Паниковец громадный, и к нему прилегали деревни других приходов, которым было очень далеко обращаться в свои села, они всегда пользовались услугами священника из Паниковца, так что в общей сложности приход состоял из нескольких тысяч душ.

ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

С первых же шагов моей первой самостоятельной жизни я обратил внимание на устройство школ разного типа и образование общественных учреждений и обществ благотворительных, просветительных и мелкого взаимного кредита. Но вместе с сим позаботился и о своем собственном устройстве, для чего решил обзавестись собственным домом.

Все начинания требовали значительных затрат, но, к сожалению, я не имел собственных средств, и все дела пришлось вести с большим замедлением и трудом. К тому же мне пришлось встретить оппозицию в лице земской администрации и своей прихожанки помещицы К. Александровой. Последняя присосалась к церковной земле и на основании земской давности намеревалась завладеть окончательно той частью возле храма, где я должен был построить свой дом.

Началась судебная волокита, которая продолжалась около двух лет, переходя из одной судебной инстанции в другую, и, наконец, дело попало в Сенат, откуда я получил право на владение этим участком. Но решением Сената зло не прекратилось. Уязвленное барское самолюбие не могло мне простить такого унижения, что я победил «именистую помещицу», и она на каждом шагу досаждала мне, а главное, торозила все мои дела.

Дел по приходу было очень много, а тут приходилось отбиваться от лихой соседки до тех пор, пока Господь не прекратил эту беспокойную жизнь. Госпожа Александрова была очень здоровая, молодая и красивая женщина и в два месяца, после незначительного ушиба, умерла. Смерть ее была встречена с восторгом всем громадным селом, так как она всю жизнь мучила судами крестьян, и они по незнанию законов и несдержанности были всегда виноваты и эту вину искупали во все время жизни Александровой крепостным бесплатным трудом. Все имение Александровой обрабатывалось крестьянами за штрафы.

ВДОВСТВО

С помощью Божиею и добрых людей мне удалось открыть несколько школ, кредитное товарищество, кружок трудовой помощи и [построить] собственный дом и даже рассадить небольшой садик с разнообразными породами фруктов и ягод и цветниками. Но пути Божьи неисповедимы, и начавшаяся жизнь оборвалась в то время, когда можно было спокойно вздохнуть от пережитых непосильных трудов и неприятностей и вывести поставленное дело на гладкую дорогу. 9 мая 1905 года умерла моя жена... Здоровье ее было всегда ненадежное. Она болела туберкулезом легких, но я лелеял надежду на ее выздоровление, и она хотя больная, но очень много помогала мне в моих делах, а главное, я не был одинок и не вводил в грех недоверия мою громадную паству и был полезен им во всех отношениях.

Смерть же жены сократила мою деятельность, и, чтобы не вводить людей в грех, я прекратил очень многие визиты туда, где я был необходим, и проводил свободное время в одиночестве в своем доме.